

К МЕСТУ СИЛЫ С ОЛЕГОМ РЯБОВЫМ

Об Олеге Рябове, авторе недавно вышедшего романа «Позови меня, Ветлуга»³, можно найти немало информации в электронных источниках. И она будет в той или иной степени верной.

Родился в городе Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт имени А. А. Жданова. Работал в Научно-исследовательском радиофизическом институте (занимался проблемами внеземных цивилизаций), в НИИ «Гипрогазцентр», облкниготорге, издательстве «Нижеполиграф». В настоящее время — директор издательства «Книги». Поэт и прозаик. Лауреат ряда литературных премий.

Роман «Позови меня, Ветлуга» уже собрал весьма положительные отзывы. И заслуженно.

Уже по заголовку понятно: писал нижегородец и о Нижегородчине. А прочитав, задумываешься, насколько же многослойна книга. На первый взгляд — история о трех друзьях, переживших разрушительные 90-е. Андрей Ворошилов после передела собственности 90-х оседает в Африке, и путь на Родину ему заказан. Второй — Лев Бородич — в поисках лучшей жизни уезжает в Америку. Но дважды в год он обязательно возвращается на Ветлугу. Третий — Борис Иванов, потеряв единственную дочь (девочка утонула в реке), пережив глубочайшее психическое потрясение, уходит жить в лес, в землянку. Близ той же Ветлуги. И спустя годы они вновь встречаются у костра на берегу реки.

Посмотреть внимательнее — описана еще и многоплановая жизнь одного отдельно взятого русского города Горького — Нижнего Новгорода (кстати, на Нижегородчине скажут просто: Нижний. — Т. К.). Жизнь культурная и хозяйственно-экономическая, бытовая, политическая и криминальная, с вкраплением национальных проблем и научных...

Еще один план — наша страна. Олег Рябов вкладывает понимание Родины в уста собеседника Ворошилова: «Россия... это очень серьезный и сложный организм, который еще никто понять не смог... Это не страна, не государство, а неопознанный пока геополитический институт, возможно даже одушевленный... Надо всегда думать о ней, о России».

Привязанность главных героев к своей малой родине Рябов оттеняет выразительным фрагментом со второстепенным героем — Итальяшкой, знакомцем Ворошилова по мордовскому лагерю. Джованни, как и Андрею, на его родину — в Сицилию — путь заказан. И бывший ээк нанимается на тунисскую виллу к Андрею «сторожем, садовником, охранником и механиком» отчасти и потому, что из одной точки участка «в хорошую погоду можно... увидеть Сицилию».

Впрочем, каждый внимательный читатель найдет в этом повествовании свое. Мне же увиделась аналогия с былинными тремя богатырями и речкой Смородиной, разделяющей миры живых и ушедших. Ведь не зря, как к месту силы, стремятся к Ветлуге Андрей Ворошилов и Лев Бородич. Именно здесь, в норе близ реки, обжился Борис

³ «Позови меня, Ветлуга». М.: Вече, 2022.

Иванов с его помутившимся сознанием — с момента семейной трагедии он словно живет в обоих мирах и ходит по грани. А в финале костер на «живом» берегу, и друзья придают ему сил жить дальше. Но к этому костру все трое шли тяжело.

Справились ли они с отмеренными им испытаниями, выиграли ли они «битву в пути»? Ответа Олег Рябов не дает, предоставляя решать читателю.

* * *

Ярко, иронично, но очень мягко характеризует Рябов своих героев, используя как «высокий штиль» (смотри выше пассаж о России), так и просторечия. К примеру, в диалоге Бородича с компаньоном по покупке книг: «Натан, побойся бога! Сейчас четыре часа ночи. Куда я эту тягу попру?» «Эту тягу» — примерно так же говорила моя костромская бабушка, правда, не «эту», а «экую». И писателю нужно быть очень уверенным в своем русском языке, чтобы настолько непринужденно вставлять в речь просторечные выражения, да еще у героя с университетским образованием! Кстати, такое уверенное употребление просторечий и диалектизмов характерно для нижегородских писателей. Что коллега О. Рябова по творческому союзу Елена Крюкова с «Рюмками, налитыми всклень» (роман «Беллона»), что саровчанин Александр Ломтев с его «Подирухой» — низовой метелью — в одноименном стихотворении. А ведь диалектные выражения — штука такая... неоднозначная — не всегда оправданная и не всем понятная. У О. Рябова (и его нижегородских собратьев по перу) — в точку.

Ирония в характеристиках героев у Рябова не звучит насмешкой — скорее, улыбкой, мол, вот так... как есть... Читаем: «Брудера Боря знал не то чтобы очень хорошо — приезжал тот два раза в год: весной на охоту, с подсадной посидеть, да осенью — картошку копать. ...Считал, что это обязательно для настоящего русского человека — картошку копать. Хотя Брудер и родился в городе и женат был на городской, да не просто на городской, а на консерваторской выпускнице, учительнице музыки. Но детей у них не было. Да и то: жена его, Белла Владимировна, была лет на десять старше, тощая, как веретено, — взглянуть не на что, не то что рожать ей, а сам Брудер был больше похож на очень ленивую китайскую панду, чем на человека». Сравнение с пандой и точное, и забавное; но упомянем в дополнение, как перекликаются строки Рябова о картошке — на сей раз с нижегородским (из-под Ардатова) поэтом Александром Шиненковым: «Все! во грязь / сапоги не влипают, / Отстает / от лопаты земля. / Кто б ни властвовал, / власть не коря, / На Руси — / огороды копают» («Копка огородов»). Герои Рябова, в отличие от многих персонажей распиаренных, перехваленных современных произведений — «списочно-премиальных», и есть русский народ. Честный и жуликоватый, талантливый и независимый, неординарно мыслящий и упорно не желающий плясать ни под чью дудку, выворачивающийся из любого ярма. Народ не черно-белый, неоднозначный, в отличие от евангельского: «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5:37). Так ведь и люди-то живые, далеко не святые.

Однако совсем иные слова находит писатель для «обоймы», номенклатуры: «Когда гроб (отца Андрея Ворошилова. — Т. К.) уже несли к могиле, к нему вприпрыжку, боком подскочил незнакомый плешивый худой мужчина лет сорока в черном костюме с засаленным галстуком и, сунув оторопевшему Андрею лопату в руки, строго сказал: — Иди — помоги могильщикам! — А ты не охренел? — зло и даже радостно откликнулся Андрей, сунув лопату назад долговязому. — Я не охренел. Я — инструктор обкома Сонин! — А я — сын. — Ой, Андрей, Христа ради... Обознался... Не узнал...» И напрямую автор не дает оценки действиям чванливого партаппаратчика, преисполненно-

го — даже на чужих похоронах! — сознания собственной значительности, но читается между строк...

* * *

Олег Рябов — писатель с именем. Состоявшийся. Он понимает, «из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда». Потому мне представляется важным описание Олегом Алексеевичем методики работы литературных объединений, явления значительного, но, увы, уходящего из русской культурной традиции: «Новеньких сразу просил представиться и что-нибудь прочитать для знакомства. Потом он делал небольшую лекцию минут на пятнадцать о каком-нибудь поэте или о каком-нибудь важном элементе стихосложения: размере, рифме, жанре. Потом читались стихи по кругу с разбором, то есть с поиском „блох“». И это важно вспомнить сейчас, когда литературные объединения единичны, а уж до «шлифовки» талантов дело доходит не во всех.

* * *

Мы уже упомянули о благожелательных отзывах на роман Олега Рябова «Позови меня, Ветлуга». Коллеги-критики отмечали, о чем в романе написано — и не написано, но подразумевается. Мне кажется более важным еще, как написано: поступательное развитие сюжетной линии для каждого героя завершается в финале в месте их силы — на Ветлуге. У костра, с которого берет начало роман.

Далее. Подкупающая достоверность. Достоверность описаний Горького — Нижнего такова, что читаешь роман Олега Рябова — и, как в студенчестве, шагаешь по бульвару от площади Свободы к оперному театру, бежишь по Октябрьской мимо Дома ученых, несешься по делам по Ошарской, топаешь по улице Минина мимо Политеха или по Свердловке (сейчас — Большая Покровская), через скверик при университетском корпусе — в НИИ прикладной математики и кибернетики, где муж-студент подрабатывал и писал дипломную работу. Автор упоминает реальных людей — даже под настоящими именами. К примеру, саровского физика-ядерщика Якова Борисовича Зельдовича...

Но главное — книгу просто интересно читать. Нижегородский писатель Захар Прилепин в заметках о предыдущей книге Олега Рябова «КОГИЗ. Записки на полях эпохи» сказал ровно то, что полностью относится и к роману «Позови меня, Ветлуга»: «Как бы там ни было, а много притягательного и забавного осталось и в том мире, о котором подробно, с юмором и ностальгией рассказывает нижегородский писатель Олег Рябов»; «А еще у Рябова замечательный язык, благодаря чему внушительного объема том прочитывается легко и с неослабевающим до финальной точки интересом».

Татьяна КРИНИЦКАЯ